

Николай Иванович Наковник

*Над Рекой.
Былое*

Под ред. Вознесенской А. П.

Николай Иванович Наковник

Над Рекой. Былое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68883912

ISBN 9785005955180

Аннотация

Николай Иванович Наковник (1895 – 1975 гг.) – советский ученый, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Автор более 70 научных трудов. Однако Николай Иванович успел издать лишь одну книгу-мемуары – «Охотники за камнями» (Изд-во «Недра», 1966 г.). В конце 1860-х годов он написал еще три книги воспоминаний, но не успел издать их при жизни. В настоящий момент первая из неизданных книг-мемуаров Наковник Н. И. «Над рекой» выходит под редакцией его правнучки, Вознесенской А. П.

Содержание

1956 – 1969 гг. Ленинград	5
Предисловие редактора	6
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	46
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Над Рекой. Былое

**Николай Иванович
Наковник**

Редактор Анастасия Павловна Вознесенская

© Николай Иванович Наковник, 2023

ISBN 978-5-0059-5518-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1956 – 1969 гг. Ленинград

Предисловие редактора

Вы держите в руках (или же читаете в электронной версии) 1 часть мемуаров моего прадеда – Николая Ивановича Накovníк. Это был выдающийся геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, автор более 70 научных трудов. При жизни Николай Иванович успел издать лишь одну книгу-мемуары – «Охотники за камнями» (Изд-во «Недра», 1966 г.). В конце 1860-х годов он написал еще пару книг воспоминаний, но не успел издать их при жизни. Потому за редактирование этих рукописей и их публикацию взялась я, его правнучка.

Сложность редактирования состояла не в том, что написаны они были при помощи русской дореволюционной орфографии (с буквами «І, Ъ, Ы, Ѳ, V»), а в том, что в тексте, напечатанном на машинке, было очень много вставок, написанных от руки. Вставки эти часто наслаивались одна на другую так, что сложно было понять смысл. Еще мой прадедушка очень любил из многих листов своих трудов делать надставки (или, как я их называю, «гармошки»). Выглядит это так: тебе кажется, что перед тобой – обычный печатный лист. Берешь его в руки – а его нижняя часть внезапно «падает» вниз и оказывается, что к листу приклеены и сложены во много раз еще листа два или три.

Некоторые абзацы текста были наглухо заклеены, так что

пришлось разбирать, что там написано, глядя на свет. Кроме того, события, описанные в книге, происходили более ста лет назад. Несмотря на мое историческое образование, многие слова и реалии оказались непонятными из-за того, что произносились они на белорусском языке и описывали старинные белорусские элементы быта. Понять все это мне помог Кондратович М. И., который в ходе моей работы любезно объяснял мне, что значат все те слова, которые я не нашла при помощи Google.

Также некоторые моменты в этой рукописи были непонятны по смыслу. Например, сначала описывается, как родители автора долгое время переживали трудные времена и терпели неуважительное отношение соседей. Но затем, когда дальше, зайдя в книжную лавку Шпаера, Иван Мартынович (отец) хочет заплатить гарантийный залог, он получает заискивающий ответ: « – Какие могут быть залогов от уважаемых лиц города, Иван Мартынович! – воскликнул Шпаер, отстраняя серебряный рублевик, протянутый отцом. И добавил, потрепав меня по щеке: – Читайте себе на доброе здоровьечко, молодой человек и слушайте папеньке и маменьке“. Как рассказала мне Наконник Т. Н., моя бабушка и дочь автора, дело было вот в чем: Иван Мартынович к тому моменту стал городовым, стало быть, относиться к нему в городе тут же стали совсем по-иному. Но, так как Николай Иванович писал эти воспоминания в конце 1960-х годов, он опасался, что такие подробности могут ему навредить, если да-

же их пропустит советская цензура. Или, например, в тексте встретилось такое предложение: „Кое-кто из жителей выпивает «l' uriners illustre». В поисковике с нашелся только один предмет с почти таким же названием и наиболее подходящий по смыслу – игристое вино «l' illustre». и мне уже представилось, как некий ценитель вина оплачивает подписку на получение раз в месяц ящика вина по почте. Но Наковник Т. Н. возразила, что это было вовсе никакое не вино, а просто – иллюстрированный журнал что, конечно же, еще более подходит по смыслу.

В конце рукописи очень заметно, что воспоминания обрываются без логического завершения. если бы я решила придумать его – это означало бы, что я написала окончание за автора, а это было бы не очень хорошо. Так что я решила пойти другим путем: оставить концовку как есть, но в дальнейшем просто опубликовать еще две рукописи Наковник Н. И., которые недавно были найдены дома.

Я выражаю благодарность:

Кондратовичу М. И. за объяснение непонятных слов и определений, которые может знать только коренной житель Белорусии;

Наковник Т. Н. и Вознесенской В. Д. (дочери и внучке автора), которые хорошо знали Наковник Н. И. лично и помогли мне лучше понять многие моменты в тексте;

Кузнецову Г. А. за техническую помощь в работе, мотивацию и вдохновение.

Вознесенская А. П.

Глава 1

В хранящейся у меня копии метрического свидетельства Диснёнской Воскресенской церкви записано, что родился я 8 мая 1895 года, крещен 13 мая. Следом указано, что отец мой – Иван Мартынович Наковник, запасный старший фейерверкер¹ из крестьян Каменской волости Витебской губернии, а мать – Екатерина Андреевна, «оба православного вероисповедания». Добавлю, что мать моя вышла из семьи потомственного диснёнского гончара Андрея Метлы – фамилии, распространенной в белорусской части бассейна Западной Двины. В этой местности родится летом, взлетает в сумерки, и в те же сумерки гибнет под водой белокрылый нежный мотылек «поденка», прозванный у нас «метлой», «метелицей», «метулицей».

¹ Фейервёркер (нем. Feuer и Werker – работник огня) – унтер-офицерский чин (звание и должность) в артиллерийских частях русской императорской армии, а также в некоторых иностранных армиях вооружённых сил государств» (здесь и далее прим. ред.).

*И. М. Наковник, Е. А. Наковник и их сын Н. И. Наковник
(автор).*

Родился я над Десёнкой в том месте, где впадает она в Западную Двину или «Эридан», как называли в старину этот древний путь «из варяг в греки». Я вырос на живописных берегах, усеянных валунами финского пояса морен² и, когда вспоминаю зарю сознательного детства, то вижу тусклые немногие картины с пятнами необычайной яркости.

Вот я на руках у матери, впереди – отец. Мы идем в нашу новую избу. Передо мной – стены из светлых брёвен и между брёвен – кудрявый и зеленоватый желтый мох.

Я на полу, мне страшно... В хату глядит, прильнув к оконному стеклу, старая цыганка. Мать оставила меня одного, уйдя работать «с половины» на чужие огороды.

Я пробираюсь к дедушке Андрею по тропинке обрывистого берега. Подо мной – болото с островками ярко-зеленой густой травы. Далеко внизу шумит, блестит и пенится в камнях Десёнка. Я цепляюсь за частокол сада соседа Лукашевича, перебирая босыми ножками неровную тропинку и стараясь не глядеть на страшную реку. Видимо, кто-то из соседок перенес меня через опасный интервал, потому что вдруг оказываюсь перед чернобородым дедом, который, наклонившись, сует мне грушу.

² Морена – это обломки горных пород, перенесенные ледником на некоторое расстояние.

Потом возникают более ясные картины.

Я – на высоком лозовом стуле за столом, на котором стоят бутылки, миски, рюмки. Напротив – светлобородый, лысый дед Мартин и светлобородые дяди по отцу – Алексей и Сидор. Я макаю черный хлеб в подсадистую рюмку с водкой и жую. Хлеб щиплет за язык, горчит, но пахнет приятным, пряным запахом. Бородачи смеются.

– На здоровье, Микола! – подбадривает внука Дед Мартын.

– Ничего, нехай!

Вот я отбиваю от печки глину, которую запихиваю в рот. Меня тянет к ней – у меня рахит³. Дверь широко распахивается – и за белым клубом холода, катящимся в избу, вваливается коренастый чернобородый дядька с бляхой на фуражке и с пузатой кожаной сумой на животе. Это – почтальон Пальчевский.

– Давайте сюда парнишку! – хрипит он простуженным, скрипучим голосом. – Сейчас его в суму!

Но я – уже за печкой. Говорят, этот суровый дядька берет в суму ребят, которые не слушаются отцов и матерей.

Я – в церкви, набитой бабами и мужиками. Мне жарко, душно, скучно. Но все это – пустяки в сравнении с мучительным сознанием того, что я похож на девочку: мою голову по-

³ Рахит – это заболевание детей от 2 месяцев до 3 лет. Возникает из-за недостатка кальция и фосфора в организме в период активного роста ребенка. В результате нарушается формирование костных тканей – кости размягчаются, из-за чего могут деформироваться и ломаться.

вязали ярко-сиреневым платком. Я силюсь стащить его, верчусь, дергаю мать за руку и, получив пинка, успокаиваюсь до новой попытки.

Прекрасный тихий летний полдень. И наша узенькая улочка «Набережная реки Десёнки» под ярким солнцем. Вот бегут ребята под предводительством Франусем, которому все подражают в ловкости и храбрости. Уже переиграны все игры, показаны все фокусы, перепробованы все гимнастические трюки – и мы оглядываем улицу, чего бы такого сделать сверх особого. Внимание наше привлекает большая поросная свинья, которая разлеглась, сонно похрюкивая, под забором.

– А ну, тусы! – вскрикнул Франусь, подойдя к свинье. – Кто прокатится на хрюшке?

«Прокатиться на свинье?.. Вот так штука, о которой заговорит вся околица! Попробовать?!» – и я, жажда реванша за неудачи в предыдущих трюках, крикнул: – А вот я поеду!

– Не поедешь! Не поедешь! – подбивала меня ватага.

Недолго думая, я перекинул ногу через тушу и уселся на хребет, ухватившись за щетину. Хрюшка, которая уже давно разнежилась в горячей пыли, насторожила уши и угрожающе захрюкала. Тогда наездник поддал ей пятками под брюхо, как делал Франусь, когда водил отцовского коня на водопой. Свинья стремительно рванулась вперед и бросилась в раскрытые ворота соседа Праснеца, в которых я и растянулся, ударившись лицом в косяк.

Окровавленного, ревущего кавалериста с рассеченной губой и выбитым зубом, отвела домой соседка, потому что перетрусившие приятели разбежались кто куда.

Вечером того же дня я с перевязанным лицом выглянул на улицу.

Дружки приветствовали меня радостными криками:

– Наездник поросячий! Кавалерист свинячий! – и, взявшись за руки, закружились, скандируя и перебивая один другого:

– Храбрецом назвался!

– На свинью забрался!

– До ворот добрался!

– И там же обос... ся!

Долго потом ребята дразнили меня «свинячим кавалеристом».

Из дошкольных лет особенно запомнились картины, на которых рисуется больной мой батька. Кажется, болел он больше зимой, чем летом, потому что вижу его в полушубке за столом, а напротив – светлый квадрат окна и в квадрате – Франусь в меховой шапке. Он сигнализирует мне, чтобы я скорей выходил на улицу.

Отец высиживает в хате часы, дни, недели и все учит меня грамоте, а мать мечется от печки к корыту с кучей чужого грязного белья, на двор – к скотине, на речку – за водой. Вот он графит косыми клетками тетрадку, в которой я выписываю буквы точь-в-точь как в прописи. Помню, батька по-

казывал мои каллиграфические упражнения соседям и писарям в городе, Писаря говорили, что парнишка превзошел первого в городе писаря Барцевского, вели отца в трактир и вспрыскивали там будущего коллежского регистратора – пили за здоровье родителей и за свое здоровье.

Надо сказать, что простые люди нашего захолустья не мечтали в те времена о более блестящей карьере для своих сыновей, чем о карьере письмоводителя. Ее начало определялось, прежде всего, красивым почерком, а потом – знакомством и родственными связями с должностными лицами.

Вот я декламирую длинные-длинные стихи, которым научил меня отец за время продолжительной своей болезни: «Бородино», «Полтавский бой» и прочие, давно забытые. Отец водит пальцем по строчкам хрестоматии, поправляя мои ошибки. На строфе «в огне под градом раскаленным» присоединяется ко мне. Однако, подошедши к «швед, русский колет, режет, рубит, бой барабанный, клики, скрежет...», повышает голос, вскакивает с табуретки, жестикулирует и, схватившись за поясницу, садится, запахивая полушубок.

Помню длинный зимний вечер. Батька печет картошку в «трубке», сидя на березовой колоде и рассказывает, как провожал дядю на Русско-турецкую войну – дядю, который погиб при штурме Плевны в отряде Скобелева⁴. Я жи-

⁴ Скобелев Михайл Дмитриевич (1843 – 1882) – русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских

во представляю себе окровавленного деда, распростертого на сырой земле лицом к голубому небу и вокруг – усатых турок с саблями наголо.

Затем отец рассказывает про Динабургскую крепость, где он отбывал солдатчину, про теплую гору на Урале, где работал на «чугунке» – и мне рисуются каменные стены крепости, из-за которой выглядывают пушки, потом представляется теплая уральская гора, заволоченная белым паром.

Кто-то из чиновников, покидавших наш тихий уездный городишко, подарил отцу на память старую географию Зуева в черных переплетах. Недавно в библиотеке Академии наук я наткнулся на эту книгу и стал перелистывать пожелтевшие листы, жадно вглядываясь в знакомые рисунки. С каким увлечением рассматривали когда-то мы – я с отцом – эти, казавшиеся тогда совершенными, грубые гравюры диковинной природы, чудовищных людей и страшных идолов. Долго хранил отец дорогие книги, поджидая сына, чтобы еще раз вместе поглядеть на чужие земли. Но... не привелось ни поглядеть, ни встретиться. Куда девались эти книги в черных переплетах?!..

Яркий зимний воскресный полдень. В хате душно от горячей печки, табака, людей. Под потолком – пасмы сизого махорочного дыма, который дерет горло, ест глаза. Левее обра-

завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877 —1878 годов. Имел прозвище «белый генерал» из-за его участия в сражениях в белой униформе и на белом коне.

зов сидят в лаптях и армяках Сидор, Алексей и дед Мартын – «мужики», как говорит мама. Они приходят из деревни в город почти в каждый праздник, высиживают у нас, не раздеваясь, долгие часы, спорят, выкрикивая бранные слова, жалуются на волость, старшину, помещика и прокуривают хату сверху до низу. Дядьки тянут самокрутки, ожесточенно сплевывая на пол, а дед Мартын нюхает из берестяной табакерки, чихает и вытирает нос грязным, клетчатым платком. Больше всех кипятится худощавый, слабосильный Алексей. Он даже глядит не на спорщика, а в сторону – на образа, на печку, в угол.

«Мужики» особенно не балуют меня гостинцами, да и гостинцы, которые они приносят, больше доморощенные, а не покупные: яичко, груша, яблоко. Редко-редко перепадает пряник или «царская» конфета по две штуки на копейку.

Потом уже я узнал что «копейка» добывалась «мужиками» с большим трудом. На пять десятин земли Мартына приходилось пятеро сыновей и три дочери – по половине десятины на душу. Младшие сыновья – Степан, Никита и батька мой отступились от своей доли в пользу старших и пошли на заработки: Степан и батька – на Уральскую железную дорогу загонять костыли в шпалы, а Никита – в батраки соседнему помещику.

Недавно мне передали старую корзину с книжным хламом. В ней было всё, что осталось от родного дома и пережило годы войн и оккупаций со времени, когда я покинул

родину. В хламе оказались два интересных документа, которым я несказанно обрадовался. Один – это «Справочный листок» старшего рабочего III участка Уральской ж. д. Ивана Мартыновича Наковника, своего рода трудовая книжка, в которой значится «оклад 240 руб. в год», а под 25 марта 1885 г. записано: «За остановку поезда №59 на 215-й версте оштрафован в I рубль – Начальник III участка пути инженер Платонов».

Другой документ – «Платежная расписка» – удостоверенный 14 марта 1895 г. Дисненским нотариусом Аркадием Дубецким, такого содержания: «Я, нижеподписавшийся дисненский мещанин Димитрий Осипов Драгель, выдаю платежную расписку запасному фейерверкеру Ивану Мартыновичу Наковнику, в том, что за переуступку ему (Наковнику) права своего на аренду городского пустопорожного плаца в г. Дисне по Набережной р. Десёнки между постройками мещан Праснеца и Лукашевича мерою сто пять квадратных сажень, Драгель, получил от Наковника всю условленную сумму – сорок пять рублей серебром». Половину серебра, рассказывала мать, внес батька из заработка на Урале, а половину – тесть, гончар Андрей, сын гончара и «чернокнижника» Игнатия Метлы.

За полтора ведра водки срубили наковницкие «мужики» на этом плаце новый сруб, в котором и поселился не прижившийся на Урале Иван Мартынович Наковник – поселился среди коренных мещан, горделиво называвших себя «обы-

ватэлямі».

– Мужик! Кацап!⁵ Москаль!.. – не раз бросали в лицо отцу ближайшие соседи, потомки ополяченной обедневшей литовско-белорусской шляхты. – Построился тут на нашей коренной земле, лапотник! Иди в свою деревню, хам!

Доделывали отец и мать хату собственными силами. Отец был мастер на все руки: плотничал, столярничал, сапожничал, резал ложки, чашки, плел корзины, лапти, сети, сучил веревки и чего только ни делал он! А мать, пока не родился пишущий эти строки, ходила по чиновникам и богатым евреям-лавочникам стирать белье, мыть полы, посуду.

Когда закончилась постройка, оказалось, что родители залезли в неоплатные долги. И мне вспоминаются картины – думаю они относятся к раннему периоду – на которых вижу отца и мать, склонившихся над деревянной миской с тюрей: водой, заправленной черным хлебом, луком и постным маслом.

Не в пример деду, бабушка по отцу была у нас редким и, я не скажу, чтобы особенно желанным, гостем. Первый привлекал к себе блестящей лысиной, малым ростом и вниманием к моим успехам в грамоте (хотя сам был неграмотный). Вторая не привлекала внушительной фигурой, острым носом, неразговорчивостью и полным равнодушием к моей особе. Мать побаивалась старухи, а отец ходил около неё, как

⁵ Кацап – обозначение русского в отличие от украинца в устах украинцев-националистов, возникшее на почве национальной вражды.

около хрустальной вазы и называл на «вы». Кажется, вышла она из заможной⁶ литовско-латышской фамилии Шкинтер (вероятно, Скинтер), держала семью из пяти сыновей и трех дочерей в строгости и деду Мартыну не давала воли.

– Слава Богу! – облегченно вздыхала мать, когда телега, которая отвозила домой старуху, скрывалась за поворотом улицы, направляясь к парому через двину в Наковники.

Деревня Наковники стояла на высоком месте – правом берегу Двины, раскинувшись над обрывом в 4-х верстах к западу от города. Несмотря на незначительность селения и не знатность мужиков, она помечалась даже на мелкомасштабных картах нашего отечества «IX-й том России» издательства Девриена 1905 года под редакцией Семенова-Тяньшанского. Помечали селение потому, что оно служило ориентиром «Борисовского камня», лежавшего в реке, как раз напротив гумна деда моего Мартына. В малую воду камень обнажался – и тогда на его западной стороне появлялся крест с надписью по-славянски: «Помози Боже рабу твоему Борису». Историки относят надпись ко времени полоцкого князя Бориса, то есть к XI веку, но назначение ее не разгадано поныне. Если заглянуть в I-ю часть III тома «Живописной России» / «Литовское Полесье», изданного Вольфом в 1882 г., то между страницами 8 и 9 можно увидеть рисунок, изображающий «Борисовский камень» или «Писаник», выступающий на 3/4 из воды, а над берегом и чуть левее – соломен-

⁶ Замога – ж. южн. состояние, имущество; зажиточность.

ные крыши гумна Мартына. На странице же 9-й помещено и описание камня.

Деревня Наковники, названная по фамилии первого ее поселенца (Наковник) существовала уже при Петре Великом, если не раньше, т. к. в 1750 г. числилась собственностью православного литовского помещика Лопатинского, подарившего ее «на прокормление» Друйской церкви. Говорю «существовала», потому что Наковников теперь нет на этом месте. Деревня исчезла незадолго до Второй мировой войны. Исчезла она за всего одну ночь, хотя вечером ее еще видели с польского берега Двины. Утром вместо Наковников оказалось пустое место. Я посетил его недавно. Оно заросло орешником, шиповником, лебедой, крапивой. Напрасны были мои поиски следов деревни – камня от фундамента, кирпича от печи... На когда-то оживленном и веселом берегу было дико, пусто, глухо.

Деревню выселили или, как ответила редакция областной газеты на мой запрос, «добровольно расселили по другим районам Белоруссии». И вот покатили наковницкие мужики на казённый кошт. Кто уехал в «другие районы Белоруссии», кто в Донбасс, а кто и – «не в столь отдаленные места»: Алма-Ату, Ташкент, Фрунзе. Наковники выселили, потому что после советско-польской войны оказались они на рубеже (советском берегу), а Дисна – на польском.

Не стало и Борисовского камня. Его взорвали в 1944 г. при чистке русла. Остались лишь одни обломки, которые

скоро занесут ил, песок, галька.

Родные матери теплее мне по душе и ближе по расстоянию. Хата деда Андрея видна с нашего крыльца через огород соседа, если смотреть на городской бульвар. Не проходит дня, чтобы бабушка Елена или кто из теток – Ольга, Настя – не заглядывали бы к нам. Бабушка – самый желанный гость у нас.

Вот переступает она порог – маленькая, добродушная, пухлая старушка в черной кацавейке⁷ и коричневом большом платке на голове. Концы платка скрывают руку, которая бережно придерживает, можно подумать, маленькую киску или цыпку.

– Нех бэндзе Езус Христус похвалёный! – приветствует она по польскому обычаю, лукаво улыбаясь и не обращая на меня внимания. Но я знаю, что, чем больше бабушка хитрит, тем лучше у нее гостинец для меня. Я бросаюсь к ней, но она увертывается и мы кружимся, пока я не вырываю из рук медового пряника, или длиннющей, как карандаш, конфеты в золотой обертке с бахромой.

Помню, бабушка потихоньку от отца водила меня в костел, так как была она католичкой. Пасху справляла и свою и православную, потому что тетки и дед Андрей были православные. От двойного такого праздника был я только в выигрыше: получал пирог с изюмом и яичко – и в свою, и в ка-

⁷ Кацавейка и (обл.) куцавейка, куцавейки – распашная короткая кофта, подбитая или отороченная мехом.

толическую Пасху.

Костел стоял на высоком берегу Двины. Его белая фронтальная стена в стиле позднего барокко поднималась над началом главной улицы, уткнувшейся в Двину. В глубокой нише над широкой кованой дверью красовалась белоснежная статуя Мадонны с позолоченным венком, а выше чернели пятнышки – семь наполеоновских свинцовых ядер, выпущенных при переходе через Двину конницы Мората, точнее – конницы корпуса Монбрюна 10-го июля 1812 г.

Говорили, что костел получал государственную пенсию «на раны», чем католики хвастались перед православными. Построили это здание в 1773 г. францисканские монахи в честь «Непорочного зачатия». Костел сильно пострадал в годы Второй мировой войны, но его можно было реставрировать. «Отцы» города решили, что стены угрожают ближайшим домам, вызвали минеров, которые и взорвали фронтальную стену, как раз перед приездом «Одиссея» после десятков лет его, то есть моего, отсутствия. И вот глазам моим представилась груда кирпича и камня перед тремя обезображенными стенами – груда, похоронившая и наполеоновские ядра, и статую Мадонны с позолоченным венком.

Первое мое посещение костела осталось навсегда в памяти. Был я поражен величественным видом здания, органами руладами, рядами скамей с высокими пюпитрами, перезвонами колокольчиков. Как ни странно, больше всего поразили меня белоснежные пеньюары ксендза и «закристиана»,

в которых они мелькали перед алтарем. Эти одеяния я принял за нижние рубахи.

– Бабушка! – крикнул я во весь голос в перерыве органной музыки. – Зачем они понадевали исподние рубахи?!

– Шшш! – растерялась бабушка и потащила меня к выходу.

Забыл я, в каких выражениях отчитывала она меня за оградой, но помню, что они были сильными. Общий смысл их был таков, что пропала теперь бабушкина репутация набожной католички, раз все узнали, какой у нее негодный внук. Бабушка так рассердилась, что даже не показала мне в саду костела обещанной «райской куры» настоятеля костела. Кура была прекрасным экземпляром павлина с роскошным радужным хвостом. Я увидел его, когда поступил в школу. Павлин разгуливал по дорожкам сада за своим хозяином, облаченным в длинную черную сутану.

Деда Андрея нет уже в живых, Задняя половина хаты, в которой он лепил горшки, пуста. На кругу гончарного станка – рухлядь. Тетки пошли в люди... Бойкая черноволосая Ольга поехала в Ригу и поступила в горничные к богатым господам. Когда она приезжает погостить домой, привозит нам в подарок господские обноски: ботинки на сбитых каблуках, продавленные шляпы, поношенные платья, ароматные коробки из-под «гаван», граненые флаконы из-под дорогих духов, а мне – хромым лошадок, безносых кукол, не вставших «ванек-встанек». Как-то раз привезла она мне кра-

сивый барабан, ружье и саблю в блестящих ножнах, точь-в-точь как у Павлушки – настоятелева сына. Все это было почти новое и как всамделишное: барабан гудел, сабля лязгала, а ружье стреляло горохом до самого забора. Я ходил гоголем по улице, нацепив на себя подарки, не чувствуя под собой ног. Ребята окружили меня, заискивая и униженно прося поддержать то саблю, то ружье, то барабан. Вскоре после начала школьного сезона, помню, Ольга привезла мало ношенные нарядные ботинки с отлакированными длинными носами – последний крик петербургской моды. И, хотя ботинки (или как их называли у нас «камаши») подходили больше батьке и на моих ногах сидели, как у цирковых «ковровых», или как у Чаплина в его ранних кинофильмах, семейный совет определил «камаши» мне, «раз Микола поступил в городское училище».

– Носи, малец! – заключила совет тетка, передавая «камаши».

– Нехай наших знают!

Когда я пришел в школу, друзья встретили меня шумными приветствиями:

– Урра!.. Панич пришёл! Панич!..

На переменках ребята прыгали с разбега на мои «камаши», стараясь отдавить блестящие носки, а на уроках обстреливали их из бумажных трубок слюнявой жеваной бумагой. Я пришел домой в слезах, скинул проклятые «камаши» и заявил матери, что пойду в школу босиком, но не надену пан-

ские обноски.

Глава 2

Ближайшие наши соседи справа, если смотреть на реку – Праснецы и Верховодки, а слева – Лукашевичи. Прекрасный пол их, как и всех «обыватэлей» нашей околицы до самого бульвара, трудится около горшков, скотины и выращивают около своих домов овощи и капустную рассаду, которую в мае сбывают окрестным мужикам. Представители же грубой половины служат в городе писцами, гончарят, ловят рыбу, спускают по «заборам» плоты с лайбами⁸ и, если не сидят в трактире (в городе он единственный) – то помогают по хозяйству прекрасным своим половинам.

В праздники паненки Верховодковы и Праснецовы натягивают черные сетчатые «пальсонетки», надевают соломенные шляпки с птицами и яркими цветами. Затем они, прикрывши вуалетками выделенные пудрой веснушчатые лица, идут в костел, выставляя черные позолоченные молитвенники («ксёнжки»). Шествуют они под зонтиками, задравши головы и опустив глаза.

За паненками двигаются пани под черными накидками, в черных чепчиках-наколках, навесив на руки черные кружевные сумочки. Позади плетутся паны при галстуках-шнурках с бомбошками, в длинных черных сюрту-

⁸ Лайба – (устар. рег.) – большая лодка, иногда с палубой, с одной или двумя мачтами.

ках, в русских картузах и в рыжих панталонах, напущенных на головки сияющих сапог.

За нашим домом по направлению к соседней параллельной Пекельной улице – огороды Рабеко и Василия Метлы. Огороды эти настолько велики что, когда глядишь на дальний край, где фронтом к улице стоят дома соседей, то не распознаешь, кто из многочисленных ребят Рабеки забрался в огурцы к Метле.

Заможнее всех на нашей улице – Лукашевичи. У них два дома, два сада, две лодки. Сам пан Олман Дукашевич служит писцом в «опеке» и на досуге ловит рыбу. Это угрюмый, сухощавый загорелый дядя ростом ниже среднего, искуснейший рыбак и первоклассный лоцман. Ему известны все рыбные места и все опасные камни и «заборы» по руслу Деснёнки и Двины на 10 вёрст вверх и вниз от города. Говорят, пан Юлианни ни разу не возвращался с рыбной ловли порожняком и не посадил баржи или плота на камень.

Вот он причаливает утлую лодчонку к пристани и к ней, задравши хвост, бежит по крутому берегу серый жирный кот, за которым спешит Пётрусь – приемный сын Лукашевича и мой приятель. За Пётрусем ковыляет пани Лукашевичёва с пузатыми лукошками. Родители мои благосклонно смотрят на дружбу с Пётрусем, потому что это смирный парень, который любит книги и, кроме того, уже кончает Уездное училище. Мама даже поощряет дружбу, так как пани Лукашевичева называет ее не «Иванихой» и не Катей, как все

прочие соседки и еврейки-перекупщицы, а «паней Наковниковой».

С Лукашевичами у нас постоянный мир, с Праснецами же – непрерывная война, ведущаяся из-за межи, кур, свиней и разной мелочи. Я и теперь слышу визг свиньи и завывания Антоса – бородатого глухонемого сына Праснеца. Это пани Праснецова приперла калитку колом, а пан Праснец с сыном угощают кольями нашу поросную свинью за то, что она по глупости забрела во двор через раскрытую калитку.

Вот я просыпаюсь от криков со стороны улицы и с тревогой оглядываю пустую хату. На полу играют зайчики от утренних лучей, бьющих прямо в окна со двора. Полуодетый, бросаюсь за калитку и вижу ожесточенных, жестикулирующих пана Праснеца и Антося с топорами, паню и паненку Праснецовых, наскაკивающих на мою плачущую мать, бабушку Клёну, тетку Настю, отца с топором в руках.

– Жидовская прислуга, прачка! – визжат и паненка Праснецовы.

– Москаль, деревня, лапоть! – хрипит Праснец, которому подвывает сын. – Построился на чужой земле, хам!

Бледный отец отводит топор для взмаха. Я цепляюсь дрожащими руками за рукоятку топора, кричу и плачу. Вероятно, крики перелетают через забор и достигают конца улицы, потому что на помощь к нам уже бегут на помощь Верховодки, Бодины, Мётлы, Лукашевичи. Оказалось, батяка мой застал Праснецов за обычной пакостью: Антось ремонтиро-

вал забор на границе своего и нашего участка и отхватил четверть на нашей стороне. За пять лет четверти перевалили за аршин и забор подъехал к нашему сарайчику. После подобных сцен с кольями и топорами бегаю я к Франусю не улицей мило Праснецов, а – низом, берегом, поглядывая наверх, не стоит ли там глухонемой.

Франусь – мой самый близкий друг. Это сын соседа Михайла Верховодки, которого за глаза зовут попросту – Михалкой. Он возит по уезду и на станцию Борковичи за Двиной (ж. д. станция от нас в 14 верстах) городских панов: ксендза Мочульского, священника Рафаловича, городского голову Фидзиевича, судью, присяжного поверенного Русецкого и прочих, кто поважнее и побогаче. Они пренебрегают «балагулами» (еврейскими извозчиками) и ездят только с Верховодкой, потому что у него красивый, рослый конь, добротная рессорная линейка, лакированные сани с фартуком. Да и сам Михалка – высокий здоровенный дядя отменной вежливости и безупречной трезвости в дороге.

Большая дружба с Франусем держится не столько на соседстве, сколько на взаимных одолжениях и дополнениях: чего не достаёт одному, того с избытком хватает у другого. Я был робким, слабым мальчиком и мир моего познания до школы ограничивался набережной да берегом Десёнки. Приятель же был озорником, силачом и поле его деятельности распространялось на весь город с пригородами. Если мне перепали лакомства и магазинные игрушки, то Фра-

нужь получал отцовские пинки и подзатыльники. Забавлялся он рогаткой, бабками и самодельным «пистолетом». Это был большой амбарный ключ, в который набивалась спичечная сера, а потом закладывался гвоздь, привязанный к ключу. И вот – молодецки-размашистый удар гвоздя по фундаменту соседа – и набережную оглашает выстрел, от которого выскакивают из домов и ближние, и дальние соседи.

Я делился с Франусем пряниками, рижскими игрушками, а приятель угощал меня грибными пирогами, печеными бобами, давал стрелять из «пистолета», позволял водить отцовского коня на водопой. По утрам гоняли мы коров на выгон, пасли свиней под берегом, купались, ловили рыбу, бродили по гонкам⁹, прыгая по шатким бревнам, заглядывая в будки лоцманов.

Вечерами Франушь возглавлял набеги на сады и огороды, откуда возвращались мы с большой добычей, редко порожняком, потирая при этом уши и кое-какие мягкие места. По силе, ловкости и храбрости никто из ребят нашей околицы не мог сравниться с моим приятелем. Поглядите, как перемахивает он через забор, спасаясь от наседающей хозяйки! Посмотрите, как швыряет в Десёнку камень, который летит со свистом, будто вышвырнутый не рукой, а пращой. А какой бесконечно длинный ряд кружков чертит по воде плитка, которую бросает Франушь особым способом, хитро изо-

⁹ Гонка – 1.) (обл.) сплав по рекам; 2.) (обл.) перен. плот, состоящий из нескольких звеньев.

гнувшись! А как он плавает, ныряет! А как, поплевав на увесистый биток, щелкает по кону бабок! Зловещий стук и три, а то и четыре пары бабок прыскают от кона. Обыграв нас, Франусь идёт домой, заломив набекрень фуражку и в оттопыренных его карманах побрякивают наши трудовые кости. А как он дрался! Это был не человек, а ком пружин. Очертя голову, кидался он на толпу и поражал всеми четырьмя конечностями. Поле боя оглашалось ревом ребят, которые с шумом валились на землю. Те, кому удавалось уцелеть, спасались бегством – и толпы как не бывало.

За Верховодками – дом и огород Бодиных. Это самый оживленный отрезок улицы: здесь стучат, лязгают, поют, хохочут... В доме три первоклассных мастера: старик, жестянщик Бодин, сын его Мойсей, ювелир, а по нашему «злотник», дочь Мэйта – швея, она же и чулочница, которая держит чулочную и швейную машину и мастериц при них. Мойсей, или как все зовут его «Моська», выделывает кольца, чинит браслеты, броши, лудит, паяет, смешит мастериц, а по субботним вечерам мистифицирует соседей и рассказывает анекдоты про городских чиновников и богатых евреев-лавочников. Это высокий, тощий, смешливый парень лет под 30, которого не удастся женить, несмотря на все старания родных. Он ест запрещенную евреям свиную колбасу, играет с нами в бабки и охотно становится «на караул» подавать предупреждающие сигналы, когда мы забираемся в чужие сады и огороды.

Дом Бодиных привлекает главным образом мусором под окнами, в котором можно отыскать обрезки жести, проволоки, лоскутки, катушки из-под ниток. Набив карманы дрянью, я вместе с другими ротозеями подтягиваемся на подоконник, чтобы подсмотреть, что творится в доме. И видим, как старый Бодин, облачившись в «талес»¹⁰, молится своему израильскому Богу, как Моська дует в трубочку на раскаленный уголь, на котором дрожит и качается расплавленный металл, как крутится чулочная машина. Потом мы задираем мастериц, передразнивая их болтовню, а когда они плещут в нас водой, швыряем через окно крапиву, щепки, коробочки репейника. Тогда на улицу выскакивает Мэйта с метлой или помелом – и мы спасаемся под берег.

Мистифицирует Моська так: сначала начищает до сияния «камаши», потом накидывает черный плащ с бронзовой застежкой в виде льва. Надевает чиновничью фуражку с темно-зеленым бархатным околышем, кокардой и гербом. Затем приклеивает фальшивые усы, насовывает дрожащее пенсне с голубыми стеклами. И наконец – берет портфель и лакированную трость с серебристым набалдашником. В снаряжении принимает горячее участие Мэйта, которая потом, давясь от смеха, следит за тем, как брат устраивает представление. Покашливая басом, шествует Моська по набережной, озирая окна, заглядывая в огороды, задирая голову на вывески и отмечая карандашом в портфеле.

¹⁰ Талес или талит (также таллит) – молитвенное покрывало у евреев.

– Кто бы это? – тревожится пани Праснецова, прильнув к окну.

– Не иначе, как санитарная комиссия... – откликается пан Праснец, провожая Моську пытливым взглядом.

– Что ты, татка!.. – вскидывается паненка Праснецова. – Это ж по поручению с губэрнии!

– С губэрнии! – передразнивает дочку пан Праснец. – Прикрой скорей стодолу¹¹, а то там такого наваляли, что трем поросным свиньям в пору пообедать.

В следующий раз Моська наряжается под предводителя дворянства, или под судью, или под исправника, а то – и под настоятеля костела ксендза Мочульского.

За Бодиными находятся три подряд ничем не примечательные дома вдовы Вишневской, сдаваемые в наем бедным, тоже ничем не примечательным чиновникам, Собственно, с домов Вишневской и начинается наша улица, Дальше отворачивается она от реки и спускается на «брук» – мощеную булыжником Перевозную улицу, которая идет от паромной переправы к центру города. Здесь, перед поворотом, стоит над берегом высокий, черный, деревянный крест с фигуркой распятого Христа, Проезжие и прохожие католики «жегнаются», а особо набожные «кленчат» перед крестом, бормоча краткую молитву. Таких крестов, немых свидетелей многовекового окатоличевания-ополячивания этого края – всего три. Стоят они при въезде в город, мозоля глаза настоя-

¹¹ Стодóла (ж. зап.) – сарай, навесь для повозок и скота.

телю православного собора, отцу Николаю, потому что весной и осенью устраиваются к ним пышные религиозные процессии, привлекающие к себе так много горожан и деревенских жителей, в том числе и не католиков, что для поддержания порядка мобилизуется весь персонал городской полиции и земских стражников.

Перевозная улица – главная артерия, по которой направляются с парома в город мещане Задесенской слободы, самой старой части города, но, главным образом – задесенские мужики, помещики и шляхта. На этой оживленной улице, помимо паромной переправы, привлекает нас лавка тети Ханы и заезжий дом Грунеса, в котором останавливаются со своими сыновьями-гардемаринами, лошадьми и тарантасом жердеобразный пан Ториневский, карликоподобный, пан Святополк-Мирский, который постоянно присвистывает на ходу, пан Гласко и другие помещики среднего достатка.

Лавка тети Ханы стоит на бойком месте, где по воскресеньям кончается хвост подвод, ожидающих парома. Мужики заглядывают в лавку за пустяками, которые забыли купить в городе. Потому товар у тети Ханы – штучный, простой, копеечный: баранки, маковники¹², «царские» конфеты, папиросы, спички, махорка Шерешевского, мыло Хукова. По внешности лавка тети Ханы совсем не похожа на городские лавки. Это просто-напросто изба и даже не изба, а бревенчатый сарай без окон, в который свет проникает че-

¹² Маковник – медовый пирог или пряник с маком.

рез дверь. Единственное, чем напоминает она снаружи лавку, так это – связками баранок, вывешенных на косяках дверей для рекламы, да белой вывеской, на которой красным выведено: «Бакалейная торговля Ханы Цыцман».

По будням торговля слабая и потому тетя Хана радуется даже ребятишкам с набережной, но выученная «фокусами», которые они выкидывают, запускает в лавку не всю ватагу, а только одного, показывающего с порога деньги.

«Фокусы» выкидывались следующим образом:

– Почтение, тетя Хана! – шумят ребята, вваливаясь в лавку. – Почем маковники?!

За входом пристраивается Франусь, или кто другой из смельчаков, вооруженный удилицем с развилкой наверху. Пока тете Хане заговаривают зубы, из-за дверей к баранкам тянется удилице. Мгновенье – и моток баранок, качнувшись на развилке, скользит к порогу и пропадает за косяком.

Выкидывались и другие «фокусы», за которые, как и за баранки, виновных жестоко драли мамы, но это мало помогало.

«Брук» Перевозной улицы начинается прямо от воды в период ее наинизшего стояния. Здесь – пристань паромной переправы, водовозы на клячах с бочками и бабы, которые выколачивают вальками белье на камнях. Повсюду бегают ребятишки с удочками и стоят лодки перевозчиков – соперников паромного перевозчика Ароном, который ведет с конкурентами ожесточенную борьбу.

Чуть выше паромной переправы журчит темный обрыви-

стый ручей, заросший сорняками. Над ручьем – колонна водонапорной кирпичной башни городской бани и дощатый купол водокачки, куда бегаем мы покрутиться на «колесе». Водокачка качала воду с помощью двух кляч, вероятно, еще при Сигизмунде II Августе¹³. Ходили животные по огромному деревянному помосту-колесу, наклонно и наглухо насаженному на вертикальный стержень толщиной в сорокаведерную бочку. Вернее, клячи даже не ходили – им только казалось это – а ступали «в гору», перебирая колесо помоста дрожащими ногами. Мотор этот в две худые силы заводился при помощи кнута, которым помахивал Зися, племянник банщика, или ребятишки по очереди, за что и разрешалось им покрутиться.

По воскресеньям у паромной переправы так оживленно и весело, что мы толчемся здесь до поздних сумерек – нас даже не заманить домой поесть. Уже от Бодиных слышно, как скрипят мостки, кричит Арон, ругаются, а то и дерутся мужики, свистят городовые и, подавляя общие шум и гвалт, ревет белугой чернобородый и сильно выпивший гончар Бортка, которого супруга тащит на паром, а он, упираясь, стремится к шаткой лодке.

Бывало, засыпаешь, а с того берега плывет через темную реку:

– Аро... о... о... н! Подай паро... о...м!

¹³ Сигизмунд II Август – (1 июля или 1 августа 1520 – 7 июля 1572) – великий князь литовский, с 18 октября 1529 года, король польский с 20 февраля 1530.

После короткой паузы раздаются кое-какие трех-, а то и пятиэтажные сочные слова – и опять несется протяжно-нудный вопль:

– Аро... о... о... н! Подай паро... о...м!

Арон очень выматывается за весь день. Потому вечером он, выпив одну-другую стопку водки и заправившись, как следует, фаршированной рыбой-фиш, которую принесла ему Сара в глиняном судке, спит без задних ног в будке на корме. Кажется, что в перерывах воплей, река доносит до меня раскатисто-басистый храп паромщика.

Наш огород, сравнительно с огородами соседей, в пять раз меньше. Вижу его вдоль узкой стежки над Десёнкой – и чудится мне запах черной, взрыхленной, сырой земли. Где этот кусок моей земли, политый потом отца и матери?!

Вот я в борозде при маме – мы полем огород.

– Катя!.. Иваниха!.. – несется из-за забора. – Ты тут?

Это голос постоянной клиентки мамы, толстухи Баси – бедной перекупщицы. Эта баба протискивается с пузатыми лукошками через узкую калитку. Затем Бася, переваливаясь и шваркая дырявыми «камашами» на босу ногу, идет к крыльцу. Наконец, громко охая, она садится на ступеньку.

– Что с тобой, Бася? – спрашивает мама.

– Пхэ! Она ещё спрашивает, что со мной, – отвечает Бася, вытирая потное лицо грязным подолом. Спроси лучше, почему Бася не может заработать себе пятак-другой на ха-

лу и фунт селедки! Почему, спрашивается, бранжа¹⁴ Лёвки спустила злотый на буряки¹⁵ и не дает жизни бедным перекущикам?

– Какой-такой Лёвка?

– Боже мой!.. – вскрикивает Бася, поднимая руки к небу, словно спросили ее: «Какой-такой пророк Моисей?» – Она не знает злодея Лёвки, арендатора поповских огородов!.. Скажи лучше, что ты не знаешь кривую Двойру и киловатого Абрашку, которые танцуют под дудку Лёвки! Сели за прилавок! Богачи!

Это – увертюра к торговой сделке – к тому, чтобы мать спустила злотый на буряки.

На огородах – нашем и чужих, которые половина соседей снимала у богатых лавочников – зародилась моя трудовая деятельность. С пяти лет я уже полыл грядки, собирал в лукошек овощи, давил на капусте зеленых жирных гусениц, а с семи – поливал рассаду, окучивал картофель, рубил траву для кабанов. С трехкопеечником, вырученным мамой от перекущицы, бегал к тете Хане за маковниками, «царскими» конфетами, медовыми куханами¹⁶. Зажав покупку, неся в обратный путь, озираясь на калитки, не выглядывает ли кто из моих прожорливых друзей, а потом по-братски

¹⁴ Бранжа – (укр.) – 1.) начальство; 2.) компания.

¹⁵ Буряк – 1.) местное название дикого гуся (в Тобольской губернии); 2.) название свёклы на юге России.

¹⁶ Кухан – лепешка.

делился с мамой лакомством.

В борозде между двух грядок часто выслушивал я рассказы матери о тяжелом детстве.

– Батька мой, а твой дед Андрей, царство ему небесное, – вспоминала мать – суровый был человек. Да и как не быть суровым, когда ребят – куча, бедность, а заработки только с огорода, да с горшков. Бывало, впряжемся с Ольгой в сани и везем горшки на рынок, а батька сзади подпихивает кием. Как осерчает, так и огреет кием. А то рубаем в стужу мороженую глину под берегом, аж дух захватывает, потому что одежонка худенькая, Тяжелее всего было месить глину. Топчем ее босиком, а ноги – как зайдутся!.. А чего не сделаем, или опознимся – охота ж было и погулять – батька за ремень, да на острую жерству¹⁷ голыми коленками поставит. И вот стоим с Ольгой, плачем, Богу молимся... По лицу матери текут слезы и сердце мое сжимает непередаваемая боль. – Нехай ему Бог простит... выдыхает мать, смахивая слезы черными потрескавшимися пальцами. – Лучше расскажу про большой пожар, как погорел наш город. Помню, полола с маленькой Ольгой, вот как сейчас, с тобой. Стояла сильная жара и вдруг слышу – «Бамм!» – ударили в большой соборный звон. Думаю – с чего бы? Будни, полдень... Потом зазвонили в монастыре, в костеле зазвонили тревожно, часто. Потом потянуло дымом, побежал народ.

¹⁷ Жерства – крупный песок; искрошенный, или рассыпчатый песчаник в пласту.

– Пожар! – кричат – Спасайся!

Тогда схватила я Ольгу и побежала в хату, а там – matka, батька мечутся, ребятишки плачут. Гляжу в окно – а дым уже над монастырем, облизывает крышу.

– Выносите образа! – кричит батька. Стали выносить, а дым стелется по Рабековому огороду. счастье, что огород – большой, а то погорели бы вместе с Лукашевичами.

Был это самый большой из всех пожаров, когда-либо постигших наш город, со времени присуждения ему Сигизмундом II Августом в 1567 году статуса города и герба «три вежи з муру» (три каменные башни). Случился он в 1882 году. И вот что прочел я недавно в «Новом времени» за 25 июня седьмого июля 1882 года, наткнувшись на сообщение, перепечатанное из газеты «Русский еврей» под заголовком «О страшном бедствии, постигшем город Дисну Виленской губернии». «В среду 16-го июня...» – сообщала газета – «...в 11 часов утра вспыхнул сильный пожар одновременно в трех местах. Пламя быстро разрасталось и усилия местной пожарной команды, солдат 18-го резервного батальона и жителей были тщетны. Сгорело более 800 домов, из них – сто христианских и около 300 лавок исключительно еврейских. Сгорели почти все присутственные места, несколько синагог, две церкви и костел. Тысячи семейств остались без всяких средств. Люди валяются на полях и не имеют пристанища».

Сквозь ветви яблонь заглядывает в хату утреннее солнце.

На дворе – мычанье, хрюканье, кудахтанье.

– Вставай, сынок! – тормошит меня батька. – Корова просится на выгон. Вставай, Франусь поджидает.

Я приподнимаю голову, но не могу подняться. Стол, стены, образа и даже батька у изголовья моей кровати кружатся, качаются. Меня тошнит.

– Ах, ты бедняжка!.. Ну, как-нибудь... Давай плесну водичкой. Вставай, а то мать уйдёт на огороды.

Я страдаю головокружениями от малокровия и тетка Ольга собирается лечить меня железными пилюлями. И вот жду я со страхом рокового дня, когда меня заставят глотать лекарство, которое представляю себе кусочками ржавого гвоздя. Отец натягивает на меня штанишки, рубашонку, потом ведет к лохани и плещет на лицо, на голову студеную водицу. Отершись грубым «ручником» и проговорив наспех краткую молитву, хватаю со стола ломоть ржаного хлеба и соленый огурец. Затем подбираю на ходу хворостину и выбегаю за ворота – корова уже на улице.

За воротами – обычная картина: босая мать пререкается с отцом, укладывая в ручную четырехколесную тележку лопату, серп, мешки, лозовые корзинки.

– Не стану возить телегу!

– Это ж тележка, а не телега!

– Ну и нехай тележка! Я не лошадь! Вся улица просмеяла... Хочешь, чтобы весь город просмеял!

– Это ж глупые бабы смеются!

– Бабы – тоже люди!

– Да пойми, что на себе тяжело таскать!

– Ну и нехай тяжело, зато пальцем никто не показывает!

И так далее и тому подобное... пока мать не отправляется на огороды, ухватившись за рукоятку дышла.

– Запряглась Иваниха! Поехала! Пропaday моя телега все четыре колеса!.. – гогочут Праснецы.

Отец смастерил для матери четырехколесную тележку, чтобы облегчить таскание мешков травы и овощей с далеких огородов, но грубый рационализм крестьянина столкнулся с нерациональной интеллигентностью «обывателя», мешанина. Из отцовской затеи ничего не вышло – мать переборола, хотя это и обошлось ей дорого. Батяка махнул рукой и, покрасив кузов синей краской, а колеса – красной, отдал тележку мне в полное владение, сказав при этом:

– Пользуйся, сын! Будешь вспоминать батюку!

Поистине был это царский дар, крупнейшее событие в нашей околице. Авторитет мой поднялся на недостижимую высоту. Сбежались ребята со всей околицы и, заискивая, униженно просили, кто покататься, а кто – хоть прицепиться к дышлу и повозить тележку. И я уже не помню, какое удовольствие было больше: впрягаться ли и везти гологоловую, босоногую, крикливую ватагу, которая забила собой весь кузов, или сидеть в нём и погонять тройку дружков, рвавшихся вперед. Мои приятели ржали и выгибали шеи, как жеребцы пана Медунецкого из поместья Горки.

Мы снимаем «с половины» три, а то и четыре огорода и мать всюду поспекает. Управившись после восхода солнца со скотиной, она торопится на дальний огород. В полдень она возвращается с тяжелым мешком травы и, приготовив наскоро обед, спешит на ближний огород, прихватив наскоро что-то всухомятку. Я очень ясно вижу босую миниатюрную фигурку матери со сбившимся на голове платком. В левой она держит мешок и серп, а в правой – ломоть хлеба и огурец. Грубые, мозолистые руки гладят меня по голове и грустные-грустные глаза глядят на непослушного сына в последний раз, когда провожают меня за реку.

Прости, страдальца!..

Глава 3

Апрель, тепло... На вербах набухли почки. Скоро Пасха!

Боже мой! Во что превратилась мелкая Десёнка, по которой мы бродили, сняв штанишки. Река вышла из берегов, разлилась по набережной, затопила на той стороне огромный луг и подступила к бору.

Это уже не река, а море. И мне жутко весело глядеть, как вода всё ширится, как поднимается всё выше и как, кружась, плывут по ней голубые льдины-крыги,¹⁸ отороченные белыми пушистыми каемками.

Река плещется около наших верб, окунувших ветки в ледяную воду, облизывает тропку, бегущую к хате деда мимо сада Лукашевичей.

Можно пускать бумажные кораблики прямо от ворот, у которых покачивается лодка. Держим мы ее на веревке, привязав к забору. Встревоженные отец и мать в который раз выходят поглядеть на верх реки, на полузатопленные вербы, на фундамент, к которому подбирается вода, Я знаю, что будут они выходить и ночью поглядеть, не прибывает ли вода и не подмыта ли крутая насыпь, на которой стоит наш дом.

Беспокойство охватывает меня. Я засыпаю с тревожной мыслью «Что будет завтра?»

¹⁸ Крыга – льдина, плывущая по реке.

Проснувшись, бросаюсь к окнам. Мимо верб скользит полоса густого льда.

– Слава Богу! – крестится отец. – Должно на низу прорвало. Вода как будто спала.

Я выбегаю за калитку и слышу мягкий, ровный шум. По мокрой набережной носятся мои приятели, размахивая палками, а у воды толкуются Праснецы, Верховодки, Бодины, вооруженные баграми. Они ловят пни, коряги, хворост и прочий хлам, пригодный в печку. Как только показывается доска или бревно, вспыхивают гвалт и суматоха, потому что ловцы забегают за границы чужих участков и каждый норовит ухватить добычу первым. Иные лезут в воду, а то и на льдину – и тогда раздаются вопли ужаса одних, крики энергичного подбадривания других и перекатывается ругань третьих.

Вода чуть-чуть спала, но течет быстрее, чем накануне. Большие крыги надвигаются на нашу хату, сминают кроны верб, ползут на тропку, беззвучно лопаются и, кружась, несутся к Лукашевичам. «А вдруг» – думается мне – «на низу опять затор?...» Опять поднимется вода, подмоет насыпь, а тут ещё в фундамент ударит большая крыга, ну и полетит моя изба вверх тормашками... страшно!» И я, отходя ко сну, бью поклоны перед образами, а потом молюсь под одеялом угоднику Николаю, чтобы вода спала и все было хорошо.

Переживания эти так сильны, а воображаемые страхи так реальны, что, когда я пошел в солдаты, а потом, покинув ро-

дину, скитался по сопкам и пустыням Казахстана, мне снился всё один и тот же сон. Ночь... Безбрежная темная река несет на мою хату и на меня, стоящего перед калиткой, огромную волну. Вот она подходит к насыпи, накатывается на фундамент... – я плачу, бьюсь во сне, кричу, но не могу проснуться... И – о ужас! – эта волна опрокидывается на хату, которая летит в бездонную пучину. Я просыпаюсь весь измученный, покрытый холодным потом и обтираю мокрое лицо.

Лед прошел. Вода не прибывает. Она на улице, во дворе, на огородах – сплошное море, из которого выглядывают заборы, изгороди, кусты лозы, березняка, олешника¹⁹. По морю скользят дощаники, плоты, корыта. Ребята плавают даже на звеньях сломанных заборов, а то и на бревне или на доске между двух бочек. Лодка наша – совсем рядом, перед крыльцом. Батяка отправляется на ней в город через затопленный огород Рабеко или по набережной, через ворота.

Сияние солнца, плеск воды, перекликанье петухов, соседок, ребятишек... Все необычайно, занято, весело!

– Колька! – выкликает из корыта Франусь, причаливший к крыльцу (по бокам корыта пристроены два бревна) – Скорей садись! Всыплем Рабекам по первое число! Нехай не задаются!

И вот, отталкиваясь веслами, перебираемся мы через раз-

¹⁹ Олешник – (местн. то же, что ольшняк) – группа кустов ольхи, ольховая заросль.

ломанную изгородь, цепляемся за лозу, за всплывший деревянный хлам. От рабекова крыльца отчаливают целые ворота с ребятами, вооруженными шестами.

– Подходи, подходи! – грозят они. – Сейчас покажем вам!

Маневренность нашего корыта выше ворот Рабеков. К тому же у них творится настоящий ералаш – каждый действует по собственному разумению. У нас же – дисциплина, так как Франусь для меня авторитет.

Мы идем на абордаж и, несмотря на встречные фонтаны брызг, врезаемся с размаху в неприятеля. Удар так силен, что ворота клюют «носом» и Рабеки сыплются с помоста в воду.

И вот вопли побежденных перемешиваются с кликами торжествующего победителя, который, однако, спешит назад, потому что раздаются крики разъяренных матерей, грозящих поколотить нас, как только мы пристанем к суше. Вдобавок они посылают еще и пожелания «подохнуть», «лопнуть», «околеть» и т. п.

Вот и пасхальная неделя – самая кипучая во всем году. В домах скребут, моют, красят, пекут, жарят, варят...

Боже мой! Сколько предстоит мне дел! Прежде всего надо почистить клетку кенаря, вымыть засиженные мухами стекла образов, картин, портретов, потом – покрасить рамы пахучим лаком и нанести на них тонкой кисточкой золотисто-бронзовый бордюр. Надо вычистить до блеска ножи, вилки и перемыть рюмки и стаканы. Кроме того, мне поручается натереть хрену, истолочь перец, сахар, взбить яйца,

перебрать изюм и миндаль. Все это выполняется с такими охотой и старанием, что мать не подает вида, когда я отправляю в рот изюминку или миндальный орешек.

С нетерпением ожидаю я четверга, чтобы поехать с батюшкой за копчениной. Копчением занимается у нас тезка батюшки, пан Ян Тарновский, славящийся как искусный мастер, примерный семьянин и честный человек. Несмотря на то, что пан Ян – набожный католик, а батюшка мой Иван очень предан православию, тезки дружат и по великим праздникам считают неременным долгом навестить друг друга.

Настает желанный день. Уложив в лодку топор, мешки, «шуфель»²⁰, весла, батюшка ждет меня. Я сбегая по каменным ступенькам и, вооружившись рулевым веслом, усаживаюсь на корму. Мать напутствует отца строгими наказами смотреть за «мальцом» в оба: «Гляди, чтобы не скovyрнулся в воду!»

Хотя с задисенского луга и сошла вода, все же она еще плещется у нашего фашинника²¹, омывая кроны верб. Паром не ходит, так что мужики с подводами перебираются через реку на старой, проконопаченной вдоль и поперек пузатой лайбе, из которой непрерывно вычерпывают воду.

Мы двигаемся вверх. Нас обвеваает ветер и река чуть-чуть

²⁰ Шуфель – (белорусский) – совковая лопата.

²¹ Фашинник – 1.) связка хвороста, используемая для строительства (укрепления) дорог по топким местам, 2.) дорога, проложенная по болотистым местам и выстланная связками хвороста.

рябит. Нет-нет – да и проплывет доска, горбыль, чурка или скрученная елочка, которой плотовщики связывают бревна – все признаки того, что скоро пойдут гонки. Отец отвечает на мои «отчего» и «почему», перемежая ответы рассказами о службе в Динабургской крепости, о чудаковатых офицерах, о рыжей подполковнице, которую супруг приказал называть не иначе, как «белокурой», о русско-турецкой войне 1877—1878 годов, о сдаче Порт-Артура, о гибели эскадры под Цусимой. На Цусиме отец смахивает слезы, сморкается и, повернувшись к ветру, говорит, вздыхая:

– Нет... Все у нас не так, как в других державах... Нехорошо, брат, ай как нехорошо!..

Копильня Тарновского стоит на высоком левом берегу Десёнки, где река делает крутой поворот к востоку. Ещё издалека приветствует нас пан Ян – высокий, седоватый и настолько загорелый человек, что кажется, что он коптился рядом с нашими колбасами.

Мы поднимаемся в копильню. Я держу мешки, а Яны суют в них пахучие, коричнево-румяные окорока, грудинки, гирлянды колбасы разного фасона, от вида и запаха которых у меня текут слюнки.

Потом Яны курят, толкуя о хозяйственных делах и выражают удовольствие по поводу того, что Пасха нынче и у католиков и у православных приходится на один и тот же день. Было это, по-видимому, в 1906 году.

Страстная пятница... Хозяйки кончают великую стряп-

ню. Я убираю цветными бумажками образа, а разгряненная мать суетится около печи, из которой тянет аппетитным, пряным духом – доходят куличи, мазурка²², шафранный торт. Кажется, обещают они быть удачными, потому что мать, хоть и озабочена, но по всем признакам довольна.

От соседок нет отбоя. Как только посетительница открывает дверь, мать, показав на печь, шипит пугливым шепотом: – «Шшш!.. Не стукай!

Соседки заглядывают – кто за советом, кто отвести душу по случаю того, что пригорел кулич, кто из любопытства: «Какой-такой торт состряпала Иваниха?», «Как выкрасила яйца?». Кто приходит рассказать, какую пасху приготовила исправничиха, а кто – занять пасхальных специй.

– А вот у попадьи кулич!.. – заходится от зависти бедная соседка. – Толстый как колода! Одного изюму в нем, надо думать, больше фунта. Пекут и крутят! Крутят и пекут!

– Банкуха²³, а не кулич! – поправляет авторитетно тетка Ольга, которая нагладелась у господ в Риге чудес кулинарии.

²² Мазурка – пирожное, сладкая лепешка продолговатой формы из миндаля, с орехами и пряностями.

²³ Банкуха – традиционный торт банкуха из Свислочского района Беларуси. Полный цикл приготовления занимает около семи часов. Для теста требуется около шестидесяти яиц. Каждый желток подается по отдельности. Пекут банкуху на березовых поленьях. Готовят и специальное веретено. По очереди на протяжении четырех-пяти часов одна хозяйка крутит веретено, вторая – поливает его тестом. После выпекания торт выкладывают на подушку или рушник. Сам торт благодаря особенной технологии выпекания чем-то похож на елку: если его разрезать, можно увидеть и «годовые» кольца, как на срезе настоящего дерева.

– Нехай себе крутят! – добавляет мать. – Обойдемся и без банкухи! Подумаешь, какая цаца!..

Великую субботу хозяйки начинают завершающей стряпней. Мать даже не ложится спать, потому что белит печь, а под утро моет пол, навешивает белые кисейные занавески, застилает стол.

Я просыпаюсь и первое, что бросается мне в глаза, так это – стол, покрытый белоснежным обрусом²⁴, на котором – столько явств! Свиной копченый окорок, телячий печеный зад, кольца колбасы, тарелка яиц всех цветов радуги, пасха из творога с изюмом, кулич, мазурка, торт, рябиновка, вишневка, красноголовая бутылка водки и много чего еще (уже не помню).

Остается только – и это поручается персонально мне – разукрасить обрус пучками брусничной зелени и нашить из плауна²⁵ большие буквы Х. В., а потом – посыпать пол зелёными, нежно-ароматными стеблями стройного аира²⁶, за которым батянка отправится на лодке к острову.

После окончательной приборки ждем батюшку, который

²⁴ Обрус, обрусник – (м. зап.) – скатерть, столечник.

²⁵ Плаун, или ликоподиум – (лат. *Lycoródiu*m, образовано от греч. *λύκος* (волк) и *πόδι* (нога), т. е. буквально – «волчья лапа») – род растений семейства «Плауновые» (*Lycorodiaceae*). Вечнозеленые травянистые многолетние растения, большей частью с дихотомическим ответвлением.

²⁶ Аир – многолетнее травянистое растение семейства ароидных, корневище которого содержит эфирное масло, используемое в фармакологии, в парфюмерной и кондитерской промышленности.

должен освятить пасхальный стол. Как большинство горожан с достатком, мы не носим пасху в церковь – носят «святить» только деревенцы да бедняки, да ещё – прижимистые горожане, так как священнику надо давать полтинник, а то и рубль.

Ждем напряженно долго и, чтобы встретить батюшку «честь-по-чести», я становлюсь на караул – на тропку мимо сада Лукашевичей. Как только из-за угла показывается плотная фигурка батюшки, за которой маячит тощая высокая фигура рыжего псаломщика с кадильницей, чашей и кропилом, бегу к калитке и подаю сигнал: «Идут! Идут!».

Отец Николай тяжело поднимается по ступенькам низкого крыльца. Он утомлен и раздражен, так как обошел все Задисенье, центр города и нашу околицу, а уже вечер – и скоро надо служить всенощную, а там – утреню, раннюю обедню и всё на ногах, на людях...

Глава 4

Пасха... Над городом переливается радостный трезвон. Я поднимаюсь на колокольню впервые и по протекции – меня ведет сын церковного сторожа Стомы.

На колокольне – старшекласники, озорники и горлопаны. Но они в совершенстве владеют искусством перезвона. Дергают они с наслаждением веревки, сменяя один другого, но к колоколам нас не подпускают.

Ухватившись за чугунные перила, смотрю я на своих дружков, столпившихся у подножия собора, но меня вдруг тянет в пропасть. Холодеют ноги, замирает сердце. Я отшатываюсь от перил и стараюсь глядеть вдаль, на город, на окрестности.

Какой простор! Город почти со всех сторон окружен водой. Стоит он на узком полуострове, образованном Десёнкой и Двиной. Подойдя к городу, Десёнка поворачивает вдоль Двины и вливается в нее только через два километра после второго крутого поворота. В 1579 году король Стефан Баторий разрезал перекопом на последнем повороте узкий выступ Задисёнской слободы, т. н. «копец», омываемый с одной стороны Десёнкой, а с другой – Двиной. Так от полуострова отделился островок, который, по свидетельству старых документов, имел в длину «1517 локтей», а в ширину «357 локтей» т. е. около одного км. на 0,25 км.

Еще до Батория – при Сигизмунде Августе II – «копец» укрепили валами высотой в две сажени, башнями, пушками и сильным гарнизоном. Так возник Дисненский укрепленный замок, точнее, «верхний замок». Он долгое время доминировал над окрестностями и простреливал подступы к «нижнему замку» – собственно к самому городу. От этой военной старины остались лишь валы над берегами острова, да заросший пруд, который снабжал водой замок.

Я перехожу к восточному пролету колокольни и за оголенными кленами различаю остров «Krola Stefana Batorego» как называют его правоверные католики. Мы же зовем его «поповским островом», потому что со времени воссоединения отторженных западных окраин нашего отечества принадлежит он дисненским священникам, которые сдают его в аренду. На нем и оперирует, по выражению бедной Баси, «злодей Лёвка» с «хромой Двойрой» и «киловатым Абрашкой».

На острове стоит необычайной высоты столб-мачта, перекидывающий провода через Десёнку и Двину – провода, которые гудят и днем и ночью, потому что по ним «отбивают телеграммы». За островом блестит широкая-широкая Двина, справа выглядывает Лонка, окруженная водой – имение старой сердитой княгини Одоевской-Масловой – а левее под синим бором белеют паруса пузатых лайб, «бегущих» в Ригу с лесом. Скоро, скоро пойдут гонки!

Прекрасное, солнечное утро... Меня будит певучий протяжный скрип, который повторяется... Вот – другой, тре-

тий, тоном выше... Это же дрыгалки! Характерный певучий скрип громадных весел – неповторимая мелодия, которая над моей колыбелью, детством, отрочеством, юностью. Врезалась она мне в память навсегда.

Я выбегаю за калитку. По всей реке идут гонки – идут, расцветенные флагами, флажками, вымпелами. И каждый караван – под своим цветом: синим, красным, голубым, зеленым... Идут гонки из дебрей Виленщины, а по Двине – из дебрей Витебщины.

Вот мимо проплывает караван гонков из стройных светлых шпал²⁷. На переднем – терем, будто явившийся из русской сказки. Над теремом полощется зеленый флаг, а по гребню крыши расхаживает большой, нахальный, ярко-рыжий «петька», перекликаясь с петухами набережной. Он испускает такое голосистое «Кукареку!», что глушит скрип дрыгалок и пугает бабу, которая стирает перед теремом.

– Чтоб ты подох, проклятый! – вскрикивает баба и запускает щепку в петуха. На заду гонка «бьют дрыгалки». На дрыгалках по паре мужиков в лаптях и босых баб в ярких сарафанах.

– Лёва!.. Лёва!.. – кричит на краю гонка здоровенный латыш-лоцман в черной шляпе, коричневой домотканной

²⁷ Караван гонков из стройных светлых шпал (рег.) – заготовки обычных железнодорожных шпал в Белоруссии сплавляются по реке на плотках – гонках (прим. ред. с пояснения гражданина Белоруссии).

тройке и в сапогах до живота. Он манипулирует большим багром, кидая его с размаху в воду. Мужики и бабы перебегают на другую сторону и, уперши ноги в шпалу, ожесточенно «бьют», откидываясь корпусом назад – почти пластаясь по помосту. Вот идет новый караван. Опять – мужики и бабы, скрип дрыгалок, крики лоцманов, флажки над соломенными крышами и теремами, дымки костров... и так до вечера.

На заходе солнца гонки становятся на якоря, подтягиваясь к берегу. Якорь, или как его зовут плотовщики, «соха» – это заостренная еловая дубина, прикрепленная к канату, свернутому на заду гонка. «Соху» выпускают на душегубке²⁸ с ловким, смелым, сильным мужиком. Лодчонка ещё не коснулась берега, а мужик уже выпрыгивает на сушу (случается и в воду), потом мокрый судорожно карабкается на берег, волоча за собой «соху», чтобы «заорать»²⁹ покрепче. Бывает, что сила натяжения выше сопротивления грунта или силы мужика. Тогда летит он с дубиной в воду, откуда выбирается мокрый и вымазанный глиной, чтобы еще раз «заорать», а потом – еще раз вымазаться и искупаться.

В сумерки берега опоясываются гонками в два-три, а то и в пять или шесть рядов. Сизые дымки костров тянут-

²⁸ Душегубка (рег.) – узкая, неустойчивая лодка, которая обычно выдалбливается из одного куска дерева.

²⁹ Заорать (рег.) – запахать. Это – транскрипция с белорусского, так как «арать» – по-беларуски – «пахать». (прим. ред. с пояснения гражданина Белоруссии).

ся на Задисёнский луг, вползают в сосновые прилески. Огни становятся все многочисленнее и все ярче. Они видны не только на гонках, но также – на берегу и на воде, удвоенные отражением.

Вот вскидывается пламя, из которого брызжет веер искр и на секунду видишь мужиков и баб, склонившихся над вараком, их развешанные у костра порты, онучи, лапти, топор, воткнутый в шершавое сосновое бревно. Где-то за паромной переправой заливается гармошка и мужские голоса отхватывают «коробейника», а далеко внизу, вероятно, под бульваром звучит чужая, заунывная мелодия – это латыши, собравшиеся на головном плоту, поют песни своей родины.

Но не всегда идиллически спокойно проходили караваны. Помню солнечный, послепасхальный день. Широкая река кипит от толчеи гонков. Последние напирают друг на друга и по ним носятся обезумевшие люди. Мост ширится, перекрывает реку, а сверху несутся новые гонки. Я слышу треск, перемежаемый выстрелами, лопающихся еловых вязок. Вижу, как поднимаются и падают дрыгалки, как встают и рассыпаются звенья бревен, шпал, жердей. Это так называемый «залом» – страшное событие в истории лесного сплава, которого я не помню, потому что убежал в хату. Так что я не знаю, чем кончился водоворот воды и дерева, из которого, как мне казалось, плотовщикам не было спасения.

Помню свистки над берегом, бородатых лапотников, вооруженных кольями, беззвучно перескакивающих через зве-

нья шпал и наступающих босого человека в армяке. Слышу вопль: «Не бейте, братцы!». За ним – тяжелый мягкий хруст. Вспоминаю батьку с обнаженной шашкой, соседей с топорами, преследующих лапотников и, наконец, толпу, пропускающую суровых латышей, несущих на жердях босого человека, покрытого армяком в кровавых пятнах. Я кидаюсь к матери, и трясясь и всхлипывая, тяну ее домой.

По мере того как вода, спадая, стягивается в берега и падает в сплав, караваны идут реже. Когда же высунутся камни и закрутятся, запенится и зашумит вода, пойдут тонкие узкие гонки. Погонят их уже не латыши, а бравые мещане Задисёнской слободы: Якубовичи, Атрахимовичи, Мётлы, Фурсы, Бортки, Драгели, Дубровские и прочие, которых я уже не помню – погонят, пока не «проскочат» через пороги, «заборы» и «головки», не минуют «Близнецов», «Разбойника», «Михалку», «Писаника», «Бориса-Глеба» и прочих предательских камней, о которые разбиваются гонки и которыми изобилуют Десёнка с Двиной на протяжении трех верст вверх и вниз от города.

Возвращаются слободчане после трудового дня в сумерки. Идут по надбережью Задисёнья, вскинув багры на плечи и я различаю силуэты размеренно шагающих людей, да чаще наклоненных, белеющих шестов. Шагают дружно в ногу, в такт песне, которая гремит и затихает над темной рекой:

Черные вершины!

Я вас вижу вновь,
Балканские долины
Кладбище удальцов.

Поют проникновенно, торжественно, сурово, как только могут петь глубоко переживающие люди.

Причина отставания лесосплав от весенней большой воды, как рассказал мне старый плотовщик и мой земляк Матвей Антонович Атрахимович, заключалась в следующем. Лес для сплава рубился зимой в верхнем течении Десёнки, где укладывался и связывался на заливных лугах. Прибывавшая весной вода поднимала плоты, а гонщики направляли их к реке. Но случались малоснежные зимы и вода не поднимала плотов. Тогда их развязывали – рассыпали, подвозили на лошадях к руслу и опять связывали, на что уходило много усилий и времени. Много труда отнимал самый сплав летних плотов в верхнем и среднем течениях реки, отличающейся мелким и узким руслом, крутыми поворотами и опасными камнями. На некоторых резких поворотах приходилось применять «снасти» – веревки, на которых и спускали плоты.

Сколько Двина переносила в навигацию мимо Дисны плотов и разнокалиберных судов с добром в Ригу – лайб, плашкоутов³⁰, барок, лодок – видно из следующих цифр, взятых мной у Сапунова, округло – за тридцать лет во второй поло-

³⁰ Плашкоут – плоскодонное несамоходное беспалубное судно для перевозки грузов, для устройства плавучих пристаней, наплавных мостов.

вине XIX века:

1858 г. плотов – 2 000, судов – 10 000

1859 г. плотов – 300, судов – 10 000

1860 г. плотов – 3 300, судов – 9500

1875 г. плотов – 7500, судов – 900

1876 г. плотов – 4600, судов – 1300

1877 г. плотов – 8600, судов – 1400

1887 г. плотов – 3600, судов – 1300

Несли суда разное добро, но, главным образом – лесоматериалы, хлеб в зерне, пеньку, лён, паклю, растительное масло, щетину, сырые шкуры.

В годы первого десятилетия нынешнего века Двина пронесла мимо Десны рекордное число плотов. Так, в 1911 году прошло в Ригу, по свидетельству энциклопедического словаря «Гранат» 22 000 плотов, то есть – по 120 в день, или по 180 – во время большой воды. Каждые три минуты мимо десны проносился один гонок, считая его интервалом до соседнего – в 100 метров.

Весенние разливы, широкие, как море, лайбы, лодки, плоты, пароходы, плеск воды под окнами – картинки невиданной природы из географии Зуева³¹ – все это зародило во мне

³¹ Вероятно, автор имеет ввиду какой-либо из трудов Никиты Ивановича Зуева – (1823 – 1890) – русского педагога, географа, публициста, этнографа, написавшего такие произведения, как «Начертание древней географии и истории древних азиатских и африканских государств» (СПб, 1855); «Иллюстрированная география Российской империи» (СПб., 1887 г.), «Опыт учебного руководства

жажду мореплавания. Я возмечтал сделаться путешественником. Окончательное решение пришло после прочтения «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» – первой книги, которую я одолел без посторонней помощи и притом – до поступления в училище. Добыл ее отец из библиотеки единственного в городе книжного магазина Шпаера.

Книга поразила меня своею красочной обложкой и красочными яркими картинками, а потом – и увлекательными приключениями. Я перечитывал ее, перерисовывал тонущего Робинзона, остов корабля, Пятницу, несущего подзорную трубу, пирующих индейцев. Помню, клал ее на ночь под подушку, а проснувшись, первым делом пересматривал картинки, представляя себя на плоту, перевозящим с затонувшего корабля бочечки пороха, ружья, сабли, ящики с галетами.

Хотя мир моего раннего познания и был разнообразен, все же ограничивался он соседскими улицами и Десёнкой до паромной переправы. Меня не пускали далеко от дома, не поощряли дружбу с Франусем и на наши утренние путешествия с коровами на выгон смотрели, как на неизбежное зло. Мир этот наполнен был природой, в которой недоставало леса, да и тот синел на виду за лугом.

по всеобщей географии», «Азовское море, с его приморскими городами, их жителями, промыслами и торговлей» (Спб., 1855 г.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.